

КОНСТАНТИН АРАМА

АШКЕЛОНСКИЕ ХРОНИКИ

2010 — 2014

Константин Арама

**Ашкелонские хроники.
2010 – 2014 (сборник)**

Издательский дом «Сказочная дорога»

2015

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арама К. В.

Ашкелонские хроники. 2010 – 2014 (сборник) / К. В. Арама —
Издательский дом «Сказочная дорога», 2015

ISBN 978-5-4329-0083-8

Тексты, вошедшие в «Ашкелонские хроники», совершенно особенного формата. Это не рассказы, не заметки на полях, не эссе, – именно тексты. Небольшие по объёму, они удивительным образом вмещают в себя глубокий смысл. Тормошат, окликают, подсказывают, согревают, напутствуют. Четыре года хроник – это четыре года наблюдений, размышлений, исканий и обретения себя. Путь, который совершает каждый человек на этой земле. Автор писал о себе, а оказалось, о каждом из нас.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4329-0083-8

© Арама К. В., 2015
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2015

Содержание

Молитва	6
Лист бумаги	7
Игуаний	8
Он	9
Мой волк	10
Моё море	11
Эфиопка	12
Перекасти-поле	13
К морю	14
Как я ел кактус	16
О жизни	17
Из детства	18
Апокалипсис, или Сны разума, порождающие чудовищ	19
Чёрная волшебница	20
Волшебник из Иродиона [сны]	21
Подумалось	22
Ещё одна мысль	23
Свет в окне	24
Балаганщица и розовые сапожки	25
Школьные звонки в Ашкелоне	26
Противогаз	27
Утро и голуби	28
Семья и стол	29
Скоро весна	30
Темнота	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Константин Васильевич Арама

Ашкелонские хроники

© Арама К.В., 2015

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2015

Молитва

Кажется, что это было только вчера, а вот уже прошло три года... Тогда я только приехал в страну и осваивался с ивритом в улыпане, а также работал в отеле: мёл дорожки, мыл бассейн, мыл пепельницы. Пепельницы, помню, всегда вызывали во мне какой-то ребячий восторг, и тогда я поймал себя на мысли, что безупречно чистая пепельница так же прекрасна, как и музыка Моцарта. Люди, к великой моей досаде, даже стеснялись при мне окурки кидать в них, и кидали на газон, который мне потом нужно было убирать грабелями...

Это было днём. А по вечерам, два раза в неделю, я превращался в музыканта: надевал свой мешковатый костюм, галстук-бабочку и играл в фойе отеля на рояле... Я был счастлив.

Была Ханука, и была война. Это то, что запомнилось больше всего. Несмотря на разрывавшиеся то и дело снаряды и вой сирен, люди были рады этому празднику, и было ощущение чуда и сказки...

Совсем рядом с роялем стоял столик с ханукией (подсвечником специальным). Таких подсвечников было много, и горели свечи... Я играл Моцарта, фантазию ре минор или первую часть знаменитой ля-мажорной сонаты (вариации), и тут отец подвёл мальчишку маленького (ему было года четыре) к подсвечнику. Мальчик стал зажигать свечи, а отец тихо-тихо, красиво и с благоговением запел: «Барух Ата Адонай...». Я невольно остановился и заслушался. Любовался отцом и сыном. Какие же они оба были красивые, умиротворённые...

В фойе было тихо, но людей было немало, просто все притихли. Это были незабываемые минуты единения. Я тогда ещё не знал, что отец поёт молитву – в переводе на русский язык (это я уже потом понял, когда хоть что-то стал понимать на иврите) – «Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной...».

Я часто вспоминаю тот вечер и, когда слышу эту молитву, представляю рояль, вечер, свечи, отца и сына...

Лист бумаги

Лист бумаги. Белый. Прямоугольный. Формат А4. Он безупречен. В нём нет ничего. Но в нём начало всего. Начало всего, что могло быть кем-то подумано, сказано... Это может быть целый мир, целая Вселенная или просто точка. Простая точка, поставленная в любом месте этого чистого листа, нарушает его изначальную целостность, и он перестаёт быть тем, чем был ранее, – становится просто носителем информации. Просто точка, и всё – у листа бумаги появилась функциональность. Для этого нужно было пожертвовать его безупречностью. Его совершенство можно сравнить разве что с безупречностью чёрного рояля... Магия молчащих белых и чёрных клавиш, в потенциале способных раскрыть тайны гармонии и мироздания. Нужен только творец. Но лист чист, рояль молчит.

Умирая, мы перестаём быть функцией и становимся безупречными в своей конечной исполненности. Исписанная страничка нашей жизни закончена и совершенна в своей неизменности – когда ничего нельзя добавить и убавить, когда поставлена точка.

Точка поставлена.

Игуаний

Мой мир велосипедных поездок не всегда так отчуждён от внешнего мира, как это может показаться. В нём есть персонажи, встречи с которыми я жду, – жду всегда по-особенному, с ощущением детской радости и веры («А вдруг?»).

Так, на пересечении улицы Рабина и проспекта Бен Гурион у меня есть парочка знакомых ящериц. Я часто вижу их утром, когда еду на работу. Они сидят рядышком, обычно на обочине дороги, и греют свои животики в лучах утреннего солнца. А иногда я вижу их на финиковой пальме, где у них, видимо, гнёздышко.

Каждое утро я еду и думаю, встречу ли я эту забавную парочку. Им, конечно, и дела до меня нет, а я им рад. Сегодня, возвращаясь с работы, я видел, как Игуаний (именно так я называю и того и другого, так как решительно не понимаю, кто из них мальчик, а кто девочка), – так вот я видел, как он старательно изображал из себя листик на дороге. Отъехав чуть подальше, я заметил краем глаза, что Игуаний ломанулся в кусты, – видимо, я как-то помешал ему в его игуаньих делах.

Он

В Ашкелоне ночь.

Я и он. Мы не спим... Он всегда приходит, когда ему вздумается. И сегодня он со мной. Пришёл, раскидал ноты – всегда праздный, всегда разный... Сегодня тёплый и пьянящий. Мой ветер.

В доме темно, и только разбросанные нотные листки по полу белыми пятнами. Пришёл побыть со мной. Но мне пора спать. Ему не привыкать к этому, он всем дарит беспокойные сны.

Вот и сегодня, наполняя собой комнаты спящего дома, шумит, бродит... и притих... уснул-таки...

Тихо и хорошо. Предраассветные часы. Скоро проснутся птицы.

Мой волк

О. К.

Первый раз я повстречал своего волка во сне. Дело было зимой, и я, выходя из маршрутки, испугался, увидев на тропинке огромного волка. Кажется, я в него начал чем-то кидать. А потом стало стыдно: он же ничего мне не сделал. Я сел в снег, на плотно сбитый сугроб, и мой волк подошёл ко мне и положил голову на мои колени. Я тогда почувствовал, как тяжела его голова, какой он сильный и как от его шкуры тянет холодом.

Холодом... Волк живёт на берегу холодного сурового моря. Такова уж его судьба – быть с душой степного волка и сердцем морского волка.

Сердце волка... Он любит море и камни – оттого ли, что камни вечны и молчаливы, оттого ли, что морю есть что сказать, а волку послушать... Но им не бывает скучно. Волк любит.

Оттого ли и я, живя рядом с тёплым, но мёртвым морем, нашёл свой камень, чтобы, взяв его со дна мёртвой воды, на сердце, хранить, назвав волком.

С камнем на сердце, светом и верой в душе и тяжёлой головой на коленях – так мы и живём. Я и он. Мой волк и я, его хранитель. На берегу тёплого и холодного морей.

Моё море

Вечер. Отзвучала сирена, провозгласившая начало шаббата, и я засобирался на море. Ехал на велосипеде, мчался за уходящим солнцем. Подумал, что если я еду за солнцем, то мой день всё же чуть больше, чем у кого-то другого, кто, например, сейчас дома... Совсем на чуть-чуть больше. Но этого достаточно, чтобы погоня за уходящим солнцем не была безнадёжной.

Вот оно, море. Солнце уже на горизонте. Ещё есть отдыхающие, но не многолюдно. Вот она, моя солнечная дорожка. Именно моя, потому что у каждого человека она своя. Даже если человек рядом, он видит другую дорожку, только его. А у меня своя.

Иду по ней в море... Волны с неохотой пускают меня к себе, но я продолжаю идти. Интересно смотреть, как сквозь волны просвечивает вечернее солнце.

Выхожу на берег. Солнце уже почти село. Провожая его...

Эфиопка

Идя по улице, я невзначай заметил эфиопку в красивой национальной одежде. Она шла, потом остановилась, нагнулась, что-то подобрала с земли... как я увидел, что-то тёмное и длинное. «Кошелёк», – подумал я.

Она принялась в нём копать. Я увидел, как она его перевернула и стала вытряхивать. Мне стало интересно.

После этого она положила кошелёк на землю и, о чудо, надела на ногу.

Это был не кошелёк! Это была просто туфля, в которую попал камешек.

Ах мои глаза, глаза... Вы не так хорошо видите. Ах моя вереница тёмных горделивых мыслей, увлекшая от сути вещей. Я подумал: «Нашла кошелёк... Я бы не стал его вытряхивать, я бы постарался вернуть хозяину. А она вытряхнула и положила на место. Как некрасиво!»

Как же я поспешил осудить её... Как мало меня интересовала суть происходящего, и как увлекательна игра гордыни и высокомерия.

Прости меня, Господи, и ты, эфиопка в красивой национальной одежде, прости.

Перекасти-поле

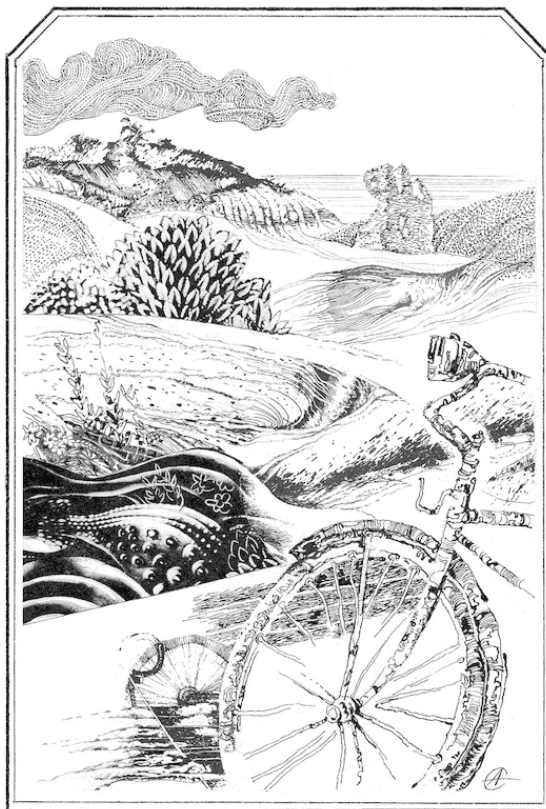
Ноябрьское прохладное утро... ветреное, с бегущими по нему облаками и синим небом, которое бывает таким, наверное, только зимой.

Природа постепенно оживает после утомительного полузабытья душного лета. Просыпаются травы и цветы, дремавшие под песками пустырей, и Ашкелон понемногу начинает напоминать далёкую и любимую Россию... Но всё же это не Россия, и об осени тут напоминает разве что опавшая листва старой акации напротив моего дома да дожди с ветрами.

Странно мне было встретить перекасти-поле, однако же повстречалось. Не понимаю, откуда оно вообще могло взяться, но так вот взялось. Лежало возле дороги, а потом, гонимое осенними ветрами, покатилося своей дорогой. А я покатилося своей, чтобы никогда больше нам не встретиться.

Перекасти-поле... Какое же оно всё-таки удивительное – одухотворённое ветром, возвращенное землёй, вспоённое дождями, согретое лучами солнца...

Теперь, свободное от своей изначальной сути живого растения, приняло конечную безупречную форму, приобрело другую суть, став странником. Странником, познавшим полноту жизни и не знающим страха смерти. Странником, который призрачностью своей свободы и иллюзорностью своей новой жизни рассказывает мне об условности небытия.

К морю

*Пойми! На небесах только и говорят, что о море, как оно бесконечно прекрасно... о закате, который они видели... о том, как солнце, погружаясь в волны, стало алым, как кровь... и почувствовали, что море впитало энергию светила в себя и солнце было укрощено... и огонь уже догорал в глубине... А ты? Что ты им скажешь? Ведь ты ни разу не был на море.
(«Достучаться до небес»)*

Идя по тропинке к морю, вдыхаю пряный запах сухих трав, смешанный с тонким ароматом цветущих акаций. Почти не жарко, и уже отчётливо слышен шум прибоя. Слышно, как море разговаривает с небом. Море что-то взволнованно рассказывает, а небо с бесконечным терпением внимает беспокойному собеседнику, любуясь своим отражением в изумрудной глади. Иду быстрым шагом и замечаю, даже не успев испугаться, тень пролетевшей птицы, ящеркой проскользнувшую под моими ногами.

Спуск к морю через парк не долог. Однако по-восточному быстрый вечер, без сумерек, уже напоминает о себе живительной прохладой.

Парк, запах жасмина... Древние развалины Ашкелона, привычные глазу, воспринимаются как что-то обыденное – ровно настолько, чтобы чувствовать себя частью древней истории. Удивительное место пересечения древности и современности. Всё в одной точке. Всё здесь. Ровно такие же ощущения возникают, когда стоишь на огромном холме древнего города, построенного царём Иродом, и замечаешь, что здесь цветёт дикий мак, а там внизу, в деревне, кукарекают петухи... И как-то всё просто: с одной стороны, Ирод-строитель с его Иродионом, а с другой – божья коровка, маки, деревушка, пасущиеся овцы... и ты – где-то посередине, но тоже на своём месте и в своё время.

В такие моменты начинаешь чувствовать, что времени не существует и что не только пространство разных эпох собирается в одной точке, но и грань временная между прошлым и будущим сфокусирована в настоящем: в холмах, цветах, небе, облаках... и во мне, смотрящем на божью коровку и слушающем гида. И нет ничего, кроме тебя здесь и сейчас, и этот миг кажется вечностью...

Я продолжаю свой путь к морю. Вот уже отчётливо ощущается запах морской воды. Море совсем рядом. Я почти пришёл.

Холмик, поворот, лесенка. Море... Как всегда, приветливое и таинственное. Море – оно живое. Чувствуешь губами его тёплое солоноватое дыхание и говоришь ему: «Здравствуй».

Нам никогда не бывает скучно друг с другом. Я сажусь на песок, и мы вместе с небом слушаем рассказы моря о том, что оно видело и о чём помнит... Ему всегда есть что сказать.

Уже вечер, и солнце садится за горизонт. В эти моменты море становится удивительным, и мне важно увидеть солнечную дорожку – отражение солнца в воде, чтобы думать о том, что эта дорожка ведёт в небо, ведёт к Богу. Море шумит, а я молчу. И так хорошо на душе...

Солнце село и уже почти темно. Вдали загорелись огоньки танкеров. Наступает ночь. Тёплый морской ветер нежно-любовно треплет мою шевелюру, и хочется идти купаться.

Я боюсь купаться ночью, но всё равно иду, чтобы ощутить трепет: когда стоишь в воде лицом к берегу, затылком ощущаешь величественное дыхание моря. Кажется, что оно смотрит на тебя. И сердце в эти минуты наполняется светом и радостью. И море, и ты, и небо – всё едино.

Выхожу из тёплой воды. Солоноватый вкус на губах напоминает поцелуй любимой. Сажу на берегу. Смотрю на луну, вышедшую из-за холма. Редкие облака, освещаемые луной, низки. И начинаешь чувствовать, что здесь, как нигде, небо ближе к тебе, а ты к небу.

Как я ел кактус

На днях возвращался с моря. Утро. Настроение прекрасное, как всегда после зарядки. Вижу, кактус опунция заплодоносила. Тут моё любопытство взяло верх над боязнью змей (которые, по моему воображению и разумению, непременно сидят в кустах). В общем, я, мучимый любопытством и движимый примером Николая Николаевича Дроздова, который героически поедая ядовитых жаб в одном из выпусков «Последнего героя», – воспрял духом и стал пробираться к кактусу, который мирно рос в трёх метрах от дороги. Присмотрев один из плодов – розовенький, симпатичный и, по моему пониманию, очень сладкий, – я дотронулся до него. Не прошло и секунды, как из плода появилось стадо муравьёв, которые внятно и убедительно стали объяснять мне, кто в доме хозяин.

Я спорить не стал и полез за другим плодом, позеленее. Будь что будет, ну если и поболит живот, то пройдёт. Стал думать, как его сорвать. Смотрю, плод примерно с небольшую грушу и пучками волоски торчат.

Я, дурачок, обрадовался: хорошо, что колючек нет. Стал срывать плод. Благоразумие пыталось мне шептать, что эти волоски неспроста. Но я так был захвачен азартом срывания кактусёнка, что не слышал сбивчивого лепета. Спустя несколько мгновений с удивлением обнаружил стройные ряды волосков на своей ладони и решил их смахнуть. Обратите внимание на мою находчивость: я сделал это тыльной стороной другой ладони. Когда волоски переместились туда, я придумал вытереть руку о живот. Если учесть, что на мне не было майки, становится понятным, откуда на груди взялись совсем не случайные новенькие волоски..

Вылезая из кустов, я ругал себя и покойную жабу, которую съели соплеменники Николая Николаевича. Однако жадность не позволила мне выбросить несчастный плод. Весь в колючках и довольный своей добычей, я пришёл домой. Там разрезал плод ножом и съел. Друзья, кактус по вкусу напоминает кактус. Вкусненький. Однако, право, он того не стоил, так как последующие три дня я был занят вытаскиванием колючек с ладошек.

Эту историю можно было бы считать завершённой, если бы на следующий день не раздался звонок в дверь. Это пришёл мой дружок Мишка. С загадочным и глуповато-удивлённым видом он поведал, что влез в кактус. Оказывается, тоже «хотел попробовать». Я расплылся в улыбке и сказал: «Дорогой коллега, вы как раз обратились к нужному специалисту».

Но Мишка не был бы сам собой, если бы не пошёл дальше меня в своих изысках. Он не только сорвал плод, но и попробовал его вместе с колючками. Распираемый смехом и искренним сочувствием, я потащил горе-приятеля в ванную и дал ему жёсткую губку, которой он тут же стал тереть язык. Я оставил его там, о чём впоследствии очень пожалел.

Мой приятель счёл чистку языка и нёба губкой недостаточно эффективным средством. Когда я заглянул в ванную во второй раз, то увидел приятеля с высунутым языком, по которому он водил своим станком для бритья. Я перепугался не на шутку. Выразительно взглянув на него, я заставил его полоскать рот ликёром, попутно объяснив основы гигиены. Вот так бывает!

О жизни

Жизнь состоит не из мелочей (мелочей не бывает), а из маленьких дел, которые я должен выполнять, тем самым делая свою жизнь лучше. И тогда эти маленькие дела перестают быть заметными и не мешают видеть то, к чему я стремлюсь.

Жизнь состоит не только из моего отношения к людям, а из реальных людей. И мои images не должны загораживать мне близких, поскольку они, ближние, имеют право быть услышанными и увиденными, просто потому, что они люди, которые меня слышат и которые мне что-то хотят сказать... а главное – которые меня любят. Поэтому я учусь слушать...

Ещё я понял, что говорить близким всё, что взбредёт в голову, – это не одно и то же, что говорить правду. И тем более это не значит быть собой, поскольку правда-истина – это то, что человек должен найти сам для себя. Правда и так в нас, её и так видно и понятно, а пустые слова – это вредный хлам. Близкие во мне ищут именно этого – простоты и естественности, потому что простота правдива и естественность истинна.

Пора бы закончить с банальными прописными истинами. Тем более что то, о чём я говорю, знает каждый ребёнок. Однако надо научиться жить по этим истинам, простым и понятным. Надо научиться думать, надо научиться слышать...

Из детства

Всё чаще, глядя на своего сына, я начинаю думать о том, что когда-то и мой отец вот так же смотрел на меня... Я очень хорошо помню те моменты, когда я, укладываясь спать, усаживал отца рядом и просил, чтобы он гладил меня по голове.

Одно время я был совершенно уверен, что проглотил букву Т. Она мне мешала, и я рассказывал об этом папе, а бедный папа сидел рядом и слушал. Сейчас, видимо, настала моя очередь. Когда мой сын просит, я иду и сижу с ним.

Сейчас и тогда... Интересное дело. Я всегда был маминым сыночком, я её копия. Несмотря на это, сейчас думаю о том, что с возрастом мужчина отдаляется от матери и через своё отцовство становится ближе к отцу. Только сейчас я начинаю чувствовать и видеть те особые ниточки, которые соединяют меня с моим отцом. Наверное, когда-нибудь я точно так же буду открывать для себя подобные связи с предками, став дедушкой. Наверное...

От этих мыслей становится спокойно на душе.

А ещё, глядя на сына, я вспомнил, что когда в детстве укладывался спать, – а спать мы должны были таким образом, чтобы обе ладошки были под головой, тем самым образуя подушечку (нас так учили в садике), – я слышал свой пульс. Я, правда, не знал, что это мой пульс. Мне воображалось, как будто это ко мне стройными рядами маршируют всякие там лисички, зайцы, медведики (в большей степени лисички, потому что я был уверен, что именно так гавкают лисички), чтобы защитить меня от кого-то. При этом они говорили: «Не бойся, Костик, мы тебя защитим, мы всех победим». Что интересно, от кого они меня защищали, не помню, но мне с ними было не страшно и хорошо...

Сегодня катались с сыном на велосипеде. Он на раме, на подушечке – главный рулевой, я, разумеется, двигатель. Ездили к тёще. Проезжая мимо пустыря, где открывается вид на море, смотрели на закат.

Огромное солнце садилось за бесконечное море. Такое большое солнце бывает только когда ветрено. Облака, окрашенные в желтоватый цвет, практически сливались с небом – чистым, но не прозрачным, а каким-то дымчатым, притуманенным. Лучи светлой камедью разливались на полнеба.

Небо было так рядом и облака так близко, что я в который раз подумал о том, что, наверное, из-за этой приближенности неба эта земля отмечена Богом.

Как хорошо... Отец и сын, небо и море. Как хорошо быть маленьким и быть с маленьким.

Апокалипсис, или Сны разума, порождающие чудовищ

Томимый смутными, непременно мрачными предчувствиями о трагической судьбе всего человечества и лучшей её части (то есть, разумеется, меня), задался я вопрошанием у Всевышнего дать мне знак, если вдруг что-то тут, на Земле обетованной, начнётся.

От природы будучи не особенно ипохондричным, но вместе с тем впечатлительным и любящим время от времени пострадать пафосно и «попасти народы» (хотя вру! – и ипохондричным тоже), – в общем, как обычно, думал думу о бренности бытия, тщетности усилий научно-технической мысли прогрессивного человечества без духовного базиса, – наполовину пафосно, наполовину любясь собой, думал мысль.

Безусловно, мысль была... была мысль... Но потом, запутавшись в грёзах бессознательного вперемишку с событиями и эмоциями минувшего дня, она исчезла. И я уснул.

Проснулся ночью от шлёпанья босых ножек сына, который прибежал ко мне с криком, что ему приснился страшный сон и что он будет спать с нами. Я его спросил: «Сынок, а что тебе приснилось?» Он ответил, что снился город в огне и что это очень страшно.

Я его, конечно, успокоил, и он уснул. Но у меня от описания его сна на душе похолодело. Мысль, которая до этого дремала, проснулась снова и, я бы даже сказал, пришла в бодрую активность.

«Вот оно», – подумал я, закапываясь под подушку. Но таки апокалиптический пафос в этот раз оказался слабее, чем желание спать и понимание того, что утром на работу, – и мысль уснула тоже.

Утром мысль проснулась чуть раньше, чем голос разума. Ей было просторно в «горних высях» моего сознательного и бессознательного. Но постепенно с глотками горячего кофе я таки вернулся с небес на грешную землю. И апокалиптическая мысль притихла, чтобы время от времени напоминать о себе и о ночном происшествии.

Успев насладиться в течение дня пафосом успешного запугивания близких своими предчувствиями и столь истово обнаруженными подтверждениями предчувствий, я таки решил деликатно спросить у сына, что же ему всё-таки приснилось.

Вечером за ужином, в лучших традициях голливудских триллеров, я между прочим спросил о сне сына. Каково же было моё разочарование и вместе с тем облегчение, когда он сказал, что сон был страшный, поскольку он «лазером сжег нечаянно, когда баловался, город и дома».

У мысли не было никаких шансов, и она вынуждена была, разумеется до поры до времени, раствориться в бессознательном в виде смутных предчувствий... Фантом исчез ровно так же, как и появился. И наверное, стоит подумать о том, что кому-то нужно попить пустырничек, а кому-то смотреть меньше мультиков.

Чёрная волшебница

Был ашкелонский вечер, когда ещё совсем не поздно, но уже темно и ночь.

Я подходил к автобусной остановке, как вдруг заметил в воздухе удивительной формы и прозрачности лёгкую паутину.

Я бессознательно рванулся к этому фантастическому чуду и, сделав полшага, увидел, что это дым. Заворожённый сказочной картинкой, я лишь спустя несколько мгновений заметил девушку в чёрном. Она сидела на перилах, отделявших тротуар от места остановки автобуса, и, не замечая никого, в том числе и меня, курила сигарету. «Чёрная волшебница», – подумал я.

Показался автобус, и чары волшебницы рассеялись в его фонарях. Девушка, птицей вспорхнув с перил, легко, как кошка, пошла к подошедшей «четвёрке». Была небольшая очередь, и уже другая девушка немного растерянно выясняла у пассажиров, едет ли этот автобус до проспекта Южноафриканской Республики. Моя волшебница по-доброму улыбнулась смущённой девушке и сказала красивым голосом на иврите: «Извините, я не из Ашкелона...» «Конечно же ты не из Ашкелона, – подумал я, заходя в автобус, – ты из сказки».

Вечером я занимался детьми и совершенно забыл о своей ночной волшебнице. Забыл, чтобы с наступлением утра, когда супруга принесёт мне, сонному и кутающемуся в одеяло, черный кофе, вспомнить всё.

Чёрный, сладкий, горячий кофе... Я закрыл глаза. Дремота нехотя покидала меня. Я просыпался. Фантомы ночи растворились, оставив мне удивительный узор в ночном воздухе и воспоминания о чёрной волшебнице.

Волшебник из Иродиона [сны]

С. В.

Давеча я побывал совсем для себя неожиданно у своего знакомого волшебника, который живёт у подножия великого Иродиона.

Великая громадина, титан, сравнимый с потухшим вулканом, впрочем, не пугал меня, так как я был в волшебном саду моего знакомого. Там всё волшебное: зимние деревья, украшенные магическими шарами, виноградные лозы, опутывающие деревянные решётки. Там я видел и каштан, привезённый из прошлой жизни из заморской страны, для того чтобы здесь, в этом таинственном месте, где времени не существует, дарить волшебнику и его саду осень.

Мы сидели в этом саду за столом. Были друзья волшебника, и был праздник. Я, как всегда, опоздал, и меня попросили сказать тост. Я не знал, что сказать, потому что совершенно не представлял повода, по которому мы собрались. Стакан выпал из моей руки, и белое вино разлилось по белой скатерти.

Потом волшебник показал мне свою книгу, в которой я запомнил рисунки фресок львов. Одного из них я даже узнал: это был лев с одних ворот Старого города Иерусалима.

Я мало что понимал из того, что пытался рассказать мой друг, но он тактично продолжал объяснять значения символов. Видимо, я был недостаточно пьян из-за пролитого мною вина, чтобы понимать, о чём идёт речь, и недостаточно трезв сейчас, чтобы вспомнить детали. Как же удивительно: там мне казалось, что времени нет, и рядом со мной сейчас, как и две тысячи лет назад на этом же месте, Иосиф Флавий, рассказывающий мне свои истории. Сейчас утро, и на столе передо мной лежит пара каштанов, а мыслями и сердцем я всё ещё там, в гостях у моего друга.

Подумалось

Каждый раз, когда я провожаю сына в школу и, стоя у школьных ворот, смотрю, как он тащит за собой рюкзачок на колёсиках, – я чувствую, что вот так, шаг за шагом, мой мальчик уходит во взрослую жизнь. И грустно, и радостно: так и должно быть, но, покуда я его настоящее, тем и живу, что привыкаю к мысли, что становлюсь прошлым.

Ещё одна мысль

Мы все, так или иначе, сами делаем свой мир – кто-то в полной мере, кто-то отчасти... А кто-то своим молчанием, безверием в себя и равнодушием к тому, что его окружает, позволяет делать с его миром то, во что верят другие, а не он сам.

Во всех случаях мы, именно мы отвечаем за нашу жизнь и за то, что с нами происходит, вне зависимости от того, верим мы в это или нет.

Свет в окне

Наступает вечер, и в окнах загорается свет. Дома, казавшиеся днём безжизненными, теперь утрачивают свою бетонно-стальную природу и становятся выразителями человеческого тепла.

Этот свет со мной с детства. Он стал для меня неким этическим прозрением, когда я смотрел на пассажирские поезда по ночам. Свет в окошках вагонов был праздником для моей детской души: я понимал, что вот так и я поеду зимой к бабушке. Только потом, когда я повзрослел, а бабушки не стало, я ощутил грусть от мелькания окошек на переезде: ехать было некуда и не к кому.

Зато как ждал я знакомые силуэты домов со светящимися окнами, когда шёл с поля со своим маленьким стадом и единственным другом – собакой! На улице октябрь, и холодно, и уже просто свет в окошках, которые ещё так далеко, наполнял сердце теплом. Даже животные, мне казалось, чувствуют это, и всем становилось радостнее от того, что скоро будем дома.

Помню, как время от времени мы с музыкальной школой из глухого провинциального городишка ездили в саратовский театр. С Алтынки город казался сказочным, сверкая тысячами огоньков. Мне было и удивительно, и грустно от того, что я чувствовал себя чужим, поскольку ни один из этих огоньков не светил для меня.

Позже, когда я уже жил в Саратове и завёл семью, я вспоминал свои чувства, но грусти уже не было. Эти огоньки перестали быть для меня чудом – просто огоньки, просто окна, просто чья-то жизнь. Гуляя с сыном во дворе нашего дома на Поливановской, мы любили с ним смотреть на звёзды. И сердце начинало щемить от непонятной тоски, что вот они так далеки и всегда будут светить, а нас не будет. Уже и дом тот принадлежит другим хозяевам, и нас в нём нет, как и не было... и разве что посаженные и, может быть, ещё не выкорчеванные кусты крыжовника помнят тепло моих рук.

Гуляя с дочерью по вечернему Ашкелону, вижу в окнах домов зажжённые ханукии, и сердце наполняется теплом и светом, как в детстве, а душа – верой и надеждой на то, что всё будет хорошо. И понимаешь, что чудо это мы сами и что оно в нас, в наших сердцах и душах. И что даже если некуда и не к кому уже ехать, оно всё равно всё в тебе и с тобой. В тебе и твоих детях.

Балаганщица и розовые сапожки

Обычно утро моё начинается с крепкого сладкого кофе, который я пью по дороге в детский сад, куда отвожу свою маленькую дочь. Прекрасное январское утро, когда солнце щедро разливает розовую краску на стены и крыши домов, тротуар и деревья.

Иду с коляской и радуюсь жизни. В наушниках Лара Фабиан. Утренняя прохлада придаёт моему горячему кофе особый вкус, и я понимаю, что ещё один день моей жизни начался.

Дочь радостно вертит головой, разглядывая дворников и кошек. Ну и хорошо. Видимо, девушка в настроении сегодня, поскольку если дама бывает не в духе, то она всю дорогу в садик, а также в саду будет объяснять няне и воспитательнице, что её никто не любит.

Радуюсь тихим мещанским радостям, я и не заметил, что моя девочка, весьма активно дрыгая ногами, потеряла сапоги. Поэтому сильно удивился, когда, пройдя почти весь путь от дома к саду, увидел на своей крошке вместо розовых сапожек зелёные колготки.

Первая мысль оказалась сомнительной, и в духе Клима Самгина я сам себя спросил: «А были ли сапожки?». Потом, удивившись своей глупости и нелепости первой мысли, убедился-таки, что и девочка была и таки сидит в коляске, и супруга никак не отправила бы её в садик без сапог. Благо, учитывая прошлый опыт по выбрасыванию некоторыми девочками обуви во время езды, я предусмотрительно положил на дно коляски кроссовки, и без обуви Тамара не осталась. Но таки дух надежды на то, что я найду эти сапожки на обратном пути, стал во мне бороться с мыслью: «А что же скажет Анна, когда я вернусь домой без сапог?».

Завёл свою красотку в сад. Там почему-то даже не удивились, что Тамара без обуви, а я сказал: «Вот отдаю вам свою Балаганщицу». Именно так её называют в саду за деловитый характер и талант устраивать хаос.

Если быть точным, то её называют на ивритский манер Балаганистит. Но это слово произошло от нашего слова «балаган», и оно накрепко вошло в обиход израильской повседневной речи.

И вот я иду домой, осознавая вторичность красоты пролетающих птичек, утреннего солнца и январской прохлады, и внимательно высматриваю розовые сапожки.

Таки я их нашёл, причём недалеко от дома, – сперва один, затем другой. Однако впредь надо быть более внимательным, учитывая некоторые особенности одной маленькой девочки.

Школьные звонки в Ашкелоне

Утро в Ашкелоне начинается всегда одинаково. Жизнерадостное и немного утомительное чириканье пернатых вдруг нарушается звуком заведённого мотора припаркованных у школьных ворот автобусов, и в этот момент сквозь дрему понимаешь, что скоро привезут детвору.

Напротив моих окон школа, и даже не одна, а несколько. В ту, что ближе всех к дому, автобус привозит детей из поселений, и иногда кажется, что под окнами не школа, а рынок – так шумно бывает.

Пока я собираю сына и дочку в школу и садик, прислушиваясь, не звенит ли школьный звонок. В каждой школе он свой. В той, где учится мой сын, это музыка из «Щелкунчика». В школе напротив – какая-то песенка. В ещё одной школе – загадочная мелодия.

Каждый час эти звоночки звонят, оповещая детвору и родителей о том, что урок начался или закончился. Они слышны даже на расстоянии – то тут, то там музыка школьных звонков. Вот и сегодня, когда я шёл из садика, услышал, как почти одновременно зазвучала музыка начала дня.

Раньше унылый школьный звонок меня раздражал. А теперь, когда сын пошёл в школу, он стал напоминанием о том, что мой мальчик подрастает. И автобус, который утром с такой беспощадной регулярностью тарахтит под окнами, я тоже перестал замечать... Только утро, птички, дети и музыка.

Противогаз

Мы получили по почте уведомление о том, что для нашей маленькой дочери поступил противогаз, который нам надо забрать. Служба тыла Израиля обеспечивает всех граждан средствами защиты. Тут так положено, потому что безопасность граждан – один из самых главных приоритетов государственной политики. Что бы там кто ни говорил, но это так, друзья.

Выдают противогазы всем. Вот и моё небольшое семейство получило противогазы полтора года назад. А теперь настала очередь обеспечить индивидуальным средством защиты мою дочь.

Ходил получать я эту штуку несколько раз. Сначала отправился в пятницу, три недели назад, но по дороге потерял уведомление. Благо пункт выдачи был закрыт. Пока возвращался домой, обнаружил потерю.

В другой раз решил зайти перед работой. Не вышло: они открываются только в 11.00. Пришлось ехать опять, вечером после работы. Показал удостоверение личности. Через пару минут мне вручили коробочку с противогазом для Тамары, и я, довольный и счастливый, пошёл домой.

Конечно, очень хочется верить, что нам не придётся применять противогазы. Но сам факт наличия их в доме создаёт ощущение уверенности и заботы со стороны государства.

Утро и голуби

Утро порадовало саратовской прохладой октября. Мы шли с дочерью в садик. Она, сидя в коляске, увлечённо размахивала снятым ботинком, а я наслаждался жизнью. Только единожды наслаждение эпикурейца было прервано, так как ботинок всё же потерялся и пришлось «бодрым лосем с коляской» пробежать полквартиры обратно, чтобы подобрать потерю.

Мы вышли на пустырь с видом на море, что недалеко от садика. Я смотрел на фиолетово-серые рваные тучи над синим морем. Высоко-высоко над виллами белыми лоскутиками кувыркались два голубя.

Я не люблю голубей. Но в любом случае нас почему-то они любят больше, чем мы их. Поэтому все окна нашей ашкелонской квартиры облюбованы голубями разных мастей.

Приятно, конечно, осознавать, что птицы селятся у добрых людей. Но если бы только эти птички знали, что я порой думаю о них, они бы наверняка облетали дом стороной за четыре квартала.

Не люблю этих птиц за их простоту, которая хуже воровства, когда они курлыкают под окнами или начинают выяснять отношения друг с другом, раздражающе бодро хлопая крыльями по утрам. Но одну голубку беленькую я люблю. И мне приятно было видеть её на лужайке возле дома. Я её узнал, это была она.

Вообще я понял, что голуби – это не такое уж и зло, хотя перьев, грязи и запаха от них хватает. Разумеется, я из них всю душу вытрясу, когда буду мыть весной окна. Но! Всё же я понял, что всё познается в сравнении.

Теперь возле моего окна решили поселиться скворцы. Если голуби мирно сидели, время от времени что-то там бормоча, то эта банда непрерывно что-то выясняет, и мой подоконник больше походит на рынок, нежели на окно, и, разумеется, я прогоняю этих шебутных. Я уже молчу про то, что они мне нагадили на оконное стекло.

Вот такое соседство и птички. А белая голубка очаровательна.

Семья и стол

Однажды мы всем семейством пошли к доктору: я, беременная тогда ещё супруга и сын. Сидим в поликлинике, ждём нашу очередь.

Тут пришла беременная женщина, верующая израильтянка. Села рядышком. Разговор с ней произвёл на меня неизгладимое впечатление.

Заговорили о семье и детях.

Женщина спросила, сколько мы хотим иметь детей. Мы ответили: сколько будет, столько и будет. А она сказала удивительную вещь: детей в семье должно быть четверо.

– Отчего же четверо? – спросила моя Анна.

Женщина ответила:

– Вот как у стола есть четыре ножки, так и в семье должно быть четверо детей, чтобы они поддерживали вас в старости.

Мне, как человеку, выросшему в большой семье – нас четверо братьев у родителей, – эти слова показались правильными и естественными.

Как же всё-таки удивительно гармонично и мудро размышляла та женщина!

Скоро весна

Всегда с особым чувством жду появления маков в Ашкелоне. Эти цветы – вестники наступающей весны. Их появление напоминает мне о тепле, которого так хочется после дождливых дней декабря и январских ветров.

Ещё позавчера казалось, что проливной дождь никогда не кончится. Но всё когда-нибудь заканчивается.

И вот вчера, по дороге на работу, я увидел их в саду одного из домов. Несколько маков... Какие же они нежные, утончённые. Какие яркие и радостные... Оттого ли мне они так близки, что я родился в Средней Азии, где маки также символизировали наступление тепла?..

Друзья, скоро весна. Природа просыпается, грядёт Ту бишват. А мне хочется схватить фотоаппарат и умчаться фотографировать мои красные маячки наступающей весны.

Темнота

Вчера вечером в нашу дверь постучали. Так скромно и тихо, что мы даже не заметили. Однако подружка супруги услышала, и моя благоверная пошла открывать, удивившись, кто же может стучаться к нам так поздно. Неужто соседка снизу, которой вновь почудилось, что мы шумим?

Открыв дверь, Анютка аж подпрыгнула от страха: на неё смотрели два белых глаза эфиопского парня. Всё остальное было черным-черно, так как в подъезде был выключен свет. Эфиопчик тоже, бедненький, перепугался и отпрыгнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.